

На словах собирался отдохнуть несколько дней, но на следующее утро Цяо Сынянь всё равно встал ни свет ни заря. Позавтракав, он взял с собой Цинтуна и Цинчжу и поехал верхом в Аньпин. В городе Цинчжу отделился — у него было своё задание, а Цяо Сынянь вместе с Цинтуном сразу направились в ломбард.

Выйдя из ломбарда, Цяо Сынянь, похлопывая себя по груди, где лежали векселя, глупо улыбался. Изумрудную ночную жемчужину размером с чайную пиалу он заложил по бессрочному договору за семьдесят три тысячи лянов серебра. А ведь у него были ещё десятка полтора жемчужин разного размера и цвета. Килограмм чёрного пороха оказался на редкость выгодным вложением.

В отдельном кабинете на втором этаже чайной «Минсян» слуга, подав чай и закуски, закрыл дверь. Цяо Сынянь стоял у окна, глядя на оживлённую толпу на улице, и спросил у стоящего рядом: — Цинтун, у тебя есть надёжные друзья или коллеги, которые ищут работу?

Сейчас Цинтун в основном отвечал за его безопасность, так что Цяо Сынянь, разумеется, не стал от него скрывать: — Я перешёл дорогу кому-то с немалым весом. Кто-то, кто знает о моих давних связях с первым принцем, кто знаком с Первым господином и с домом Чжэньбэй, и всё равно осмелился меня тронуть.

Даже выдавший виды Цинтун не мог не подивиться везению Цяо Сыняня. Возможно, тот сам не до конца осознавал, как высоко ценит его первый принц. Едва прибыв на северные земли, он уже познакомился с домом Чжэньбэй. А говоря «познакомился», он, вероятно, имел в виду настоящих хозяев: старый маркиз постоянно охраняет границы и годами не возвращается, наследник с семьёй остался в Яоцзине — значит, остаётся только прославленный генерал Юньхуэй Цзинь Юньтин. А кто такой «Первый господин» — известно всем и каждому.

Цинтун за одно мгновение передумал многое. Он решил успокоить господина: — Вы, господин, — простой человек, к тому же только что покинули Яоцзин и прибыли на север. Противник не знает вашего истинного веса, поэтому, не испытывая должной опаски, и осмелился действовать столь дерзко.

Однако Цяо Сынянь думал, что собрать собственных людей — дело не одного дня. Сейчас можно только «одолжить» их у других, точнее — у первого принца. Цинтун, должно быть, и сам это понимает. Хорошо ещё, что для первого принца он не бесполезный человек.

Цяо Сынянь достал из рукава два листа бумаги и протянул их Цинтуну: — Это договоры. Места, где оставлены пустые строки, можно обсудить. Если что-то упустил — тоже можешь предложить.

Цинтун понял, что Цяо Сынянь не прислушался к его словам, но решил, что время ещё будет. Он спрятал договоры за пазуху: — Я найду, кому передать их первому принцу.

— Тогда передай ещё и на словах: я лишь обмолвился, что хочу раздобыть пару ночных жемчужин, а не прошло и ночи — эти люди уже принесли мне целый сундук. У него сейчас

беременность, нужно быть осторожнее. — Заметив, что Цинтун ничуть не удивлён тому, что у первого принца завёлся шпион, Цяо Сынянь подумал: «Видимо, он уже привык». Ему вдруг стало немного жаль первого принца.

Покончив с утренним чаепитием, Цяо Сынянь собрался прогуляться по улице. Но едва он вышел из чайной «Минсян», как увидел Цзинь Юньтина, который снимал Цзинь Чэня с повозки. Он заколебался: не отвернуться ли, сделав вид, что не заметил, — ведь Цзинь Юньтин, похоже, не горел желанием сближаться с ним.

— Братец Цяо! — Цзинь Чэнь, словно пушечное ядро, бросился к нему. Цяо Сынянь, уже привычно, нагнулся, подхватил мальчика и поднял на руки, но взгляда от приближающегося Цзинь Юньтина не отводил.

— Господин Цяо!

Цзинь Юньтин был в нефритовой короне и тёмно-синей парчовой одежде с узором «облачная парча» и вышивкой летящих рыб. Он остановился в трёх шагах от Цяо Сыняня. Взгляд его скользнул по стоящему позади Цинтуну, и, заметив, что Цяо Сынянь всё ещё тупо смотрит на него, в глазах мелькнула усмешка: — На днях благодарю вас, господин Цяо, за спасение. Не будете ли вы свободны на днях? Ичжи хотел бы нанести вам визит.

Цзинь Юньтин, второе имя Ичжи. В этом мире мужчины и господа, которые женятся, получают второе имя в двадцать лет, а женщины и те господа, которые выходят замуж, — в пятнадцать, что служит косвенным знаком, что можно присылать сватов. Прежний же владелец этого тела и подумать не мог, что получит второе имя в пятнадцать, и те два слова глубоко ненавидел.

Цяо Сынянь опомнился, подкинул на руках Цзинь Чэня и ответил: — В последнее время я не занят. Живу в усадьбе за городом. Милости прошу, Ичжи, в любое время. Видя, что Цяо Сынянь не называет ему своего второго имени, но «Ичжи» выговаривает легко, Цзинь Юньтину ничего не оставалось, как продолжать называть его «господин Цяо»:

— Господин Цяо, главный зачинщик среди тех чернокожих-налётчиков пока не пойман, а у них были виды на вас. Вчера я не успел сказать: я отрядил несколько человек для вашей тайной охраны. Без особой необходимости они не покажутся и не будут вам мешать. Прошу простить меня за эту вольность.

Цзинь Чэнь на руках у Цяо Сыняня незаметно закатил глаза: «Вчера вечером ещё говорил — тайное наблюдение, чтобы братец Цяо не узнал. А прошло всего несколько часов — и сам же всё выложил. Как начнёт, так и кончит».

Цинтун, услышав слова Цзинь Юньтина, внутренне напрягся. Со вчерашнего дня и до сих пор он не заметил, чтобы за ними кто-то следил.

Цяо Сынянь давно знал: раз у него есть чёрный порох, дом Чжэньбэй не оставит его без

присмотра. Будь то слежка или охрана — неважно. Но то, что Цзинь Юньтин сказал об этом открыто и прямо, его даже обрадовало: — Тайная охрана — это неудобно. Пусть лучше выходят и следуют за мной открыто. Сколько их? Можно двоих отправить в усадьбу Цяо в переулке Чанпин?

Цзинь Юньтин подал знак рукой. Из чайной «Минсян» вышел господин в одежде цвета инея, а из толпы носильщиков на углу — коренастый мужчина в короткой куртке. — Это Синьцзы и Синьхай. Что касается усадьбы Цяо — там уже есть присмотр, можете не беспокоиться.

— Тогда большое спасибо! — Цяо Сынянь получил двух бесплатных телохранителей, и в глазах его заплясали смешинки. — Это Цинтун. Впредь будете следовать за ним.

Иначе говоря, Синьцзы и Синьхай должны слушаться распоряжений Цинтуна. Цзинь Чэнь с любопытством разглядывал Цинтуна и чем дольше смотрел, тем больше казалось, что он где-то его уже видел.

Они простояли у входа в чайную «Минсян» довольно долго. Цяо Сынянь, видя, что Цзинь Юньтин не приглашает его выпить вместе чаю, не стал навязываться. Он опустил Цзинь Чэня на землю: — Не буду мешать тебе, Ичжи. У меня ещё есть дела, я пойду. — Наклонившись к мальчику, добавил: — Не забудь приехать с дядей ко мне за город, я приготовлю для тебя что-нибудь вкусненькое.

Проводив Цяо Сыняня взглядом, Цзинь Юньтин взял Цзинь Чэня за руку и поднялся на второй этаж. В кабинете уже были готовы чай и закуски. Когда Цзинь Чэнь наелся и напился, он спросил: — Ну, говори, почему ты устался на Цинтуна?

Цзинь Чэнь захлопал большими глазами: — Дядюшка, а ты вдруг собрался выйти из дома, чтобы встретиться с братцем Цяо?

— Называй его «дядя Цяо», — поправил его Цзинь Юньтин. — Я спрашиваю, почему ты устался на Цинтуна?

Цзинь Чэнь проигнорировал первую половину фразы и ответил: — Я его видел.

Только в прошлой жизни. Это был командующий императорской гвардией нового императора. Тогда его звали не Цинтун, и выглядел он не таким молодым и мягким.

— Где ты его видел? — Этот человек был глубоким мастером боевых искусств. Синьцзы, искусный в скрытности, мог оставаться незамеченным недолгое время, но Синьхай, если бы подошёл поближе, был бы тут же обнаружен. Поэтому Цзинь Юньтин решил прямо сказать Цяо Сыняню, что приставил к нему людей для охраны. Не ожидал, что тот обрадуется. Неужели он не понимает, что это одновременно и охрана, и слежка?

— В столице! Я слышал, как он говорил кому-то, что нашёл человека на юге — мужчину, как две капли воды похожего на господина. — Новый император был довольно жесток — ни один из его единокровных братьев и сестёр не уцелел. Говорят, из-за того, что в детстве он слишком много страдал. Дядюшка, тебе надо срочно ехать на юг, найти его, отогреть теплом — может, тогда он позволит тебе самому решать, на ком жениться.

Цзинь Юньтин нахмурился: — Ты опять самовольничал? Знаешь ли ты, насколько он опасен? То, что ты сегодня сидишь здесь, — только потому, что он счёл тебя малым и неразумным. Будь ты на несколько лет старше — он бы тебя не отпустил.

— Я знаю, что виноват! — жалобно проговорил Цзинь Чэнь. А про себя подумал: «Да ладно! Я своими глазами видел, как он на дворцовом пиру собственноручно зарезал малолетнего. Третий принц, вернее, четвёртый — тоже был жесток: прикрываясь объятиями с младенцем, устроил покушение. Всех, кто был на пиру — и старого, и малого — тут же порубили. Я потом ещё долго видел кошмары».

— В наказание вернёмся — будешь наказан!

Не обращая внимания на вой Цзинь Чэня, Цзинь Юньтин принялся обдумывать сведения, добытые за последние дни. Он знал, что Первый господин что-то скрывает. Случайная встреча Цяо Сыняня с Чан Бо, спасение его и Цзинь Чэня — это ещё можно было объяснить, но как быть с тяжелораненым Гэн У? Гэн У, не в силах одолеть превосходящих сил противника, убил лишь одного и потерял сознание. Появление чернокожих налётчиков на большой дороге — это Первый господин откупил жизни нескольких человек деньгами. На следующую ночь черные снова пришли к Цяо Сыняню за ядовитыми насекомыми. Судя по обстановке, обе стороны понимали, что под «ядовитыми насекомыми» имеется в виду не то, что обычно. Что же скрывает Первый господин в пользу Цяо Сыняня?

Теперь оставалось ждать вестей из Яоцзина. Тогда, возможно, станет ясно, кто был господином Цинтуна. Оdneyцовые близнецы? Цзинь Юньтин чутьём чувствовал: этот человек очень важен.

Тем временем Цяо Сынянь корпел над рисунком в книжной лавке «Сунсюэ». На столе были разложены все краски, какие только можно было найти в этой лавке. По разнообразию им, конечно, было далеко до красок его прежнего мира, но для Цяо Сыняня этого хватало.

Раньше он всегда рисовал только контуры узоров, не раскрашивая, а готовые образцы выносил отдельно, стараясь в примечаниях как можно подробнее объяснить требования к фасону и возможные сочетания. Под началом первого принца было столько искусных ткачих и вышивальщиков — они-то и были профессионалами. Но сегодня он решил попробовать сам.

Вспомнив, как лихо сидела на Цзинь Юньтине одежда с летящими рыбами, Цяо Сынянь фыркнул про себя: «Яоцзинские размазни и в подмётки не годятся — они позорят парадную форму великой Мин».

В отличие от других школяров, которые тихо переписывали книги и не могли заставить себя писать дальше, Цяо Сынянь вовсю колдовал с красками — хозяин лавки самолично подавал ему то воду, то яичный белок для разведения, то и дело получал замечания, а потом согласно кивал. Остальные ученики чуть не лопнули от злости: когда это господин Сунсюэ терпел такое унижение?

Господин Сунсюэ, взглянув на готовые рисунки, которые Цяо Сынянь отложил в сторону, а потом переведя взгляд на красную родинку у него между бровей, понял: «Это он себе свадебный наряд рисует!» — от головного убора до сапог, даже материал для нижнего белья и носков был прописан досконально. И резюме — всего четыре слова: «Всё самое лучшее!»

— Интересно, какой у него размер, — пробормотал Цяо Сынянь. — И не спросишь ведь.

— Господин, вы кому заказываете наряд? — спросил Цинтун.

Цяо Сынянь, не поднимая головы: — Цзинь Юньтину.

Господин Сунсюэ опрокинул чашечку с жёлтой краской. Цяо Сынянь поспешно подхватил листы: — Ничего, ничего! Цинтун, помоги убрать. Все эти краски забираем с собой.

Синьхай принёс тряпку и вместе с Цинтуном привёл стол в порядок. Господин Сунсюэ всё ещё разглядывал Цяо Сыняня, мысленно вздыхая: «Этот господин и в поступках так же “выдающ”, как и внешне. Ичжи обязательно должен быть опутан таким человеком».

Цинтун взял кисть и написал на бумаге ряд мерок. — Я не ошибся, — сказал он.

Цяо Сынянь с радостью переписал их на свои рисунки, рядом вывел свои собственные мерки, а в правом верхнем углу добавил: «Индивидуальный заказ».

Тут уж и так было всё ясно. Цинтун чуть не рассмеялся, но нарочно сказал: — Господин, дарить генералу одежду — это как-то не очень уместно.

— Почему не уместно? Очень даже уместно! — хлопнул в ладоши господин Сунсюэ. — Я никогда не видел генерала Юньхуэй в ярко-красном. Господин Цяо, дерзайте!

Цяо Сынянь протянул правую руку, и господин Сунсюэ, к его удивлению, понял. Они пожали друг другу руки и обменялись понимающими улыбками.

Цяо Сынянь нарисовал ещё несколько листов — как и раньше, без раскраски — и написал письмо. Всё это он отдал Цинтуну, чтобы тот отправил вместе в Яоцзин.

Когда Цяо Сынянь, прикупив ещё кистей, бумаги, туши и тушечниц, ушёл, господин Сунсюэ

написал крупными иероглифами объявление и велел приказчику: — Вывеси снаружи.

Один из смельчаков-учеников вышел следом прочитать: «Извещение: Через три дня в нашей лавке поступят в продажу краски новых цветов».

<http://bllate.org/book/19132/1879000>